

Майкл Дженкинс

АРАКЧЕЕВ

РЕФОРМАТОР-РЕАКЦИОНЕР

Майкл Дженкинс

**Аракчеев. Реформатор-
реакционер**

«Центрполиграф»

Дженкинс М.

Аракчеев. Реформатор-реакционер / М. Дженкинс —
«Центрполиграф»,

В книге рассказывается о жизни и деятельности А.А. Аракчеева, государственного и военного деятеля, о котором еще при жизни ходили легенды. Имя этого сановника вошло в историю как символ самой мрачной реакции и жесточайшего гнета. Истинный поборник самодержавия, ревностный проводник политики Александра I, он всегда стоял особняком, вызывал неприязнь и страх у придворных министров, откровенно презирал условности светского общества. Расположение царя к Аракчееву и вера в него озадачивали современников и ставили в тупик историков. Автор использует богатый архивный материал, исторические документы, переписку и воспоминания современников.

© Дженкинс М.
© Центрполиграф

Содержание

Введение	5
Глава 1	10
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Майкл Дженкинс

Аракчеев. Реформатор-реакционер

Введение

Считается, что за все время правления династии Романовых ни один человек в России в первой четверти XIX в. – во время царствования императора Александра I – не обладал такой властью, как граф Алексей Андреевич Аракчеев. Иностранцы видели в нем верховного визиря империи, а по мнению русских, он имел статус вице-императора, если не больше того. И для всех он был истинным символом самодержавия.

Уже при жизни Аракчеев стал в России легендой. Некоторые качества его характера одновременно и завораживали, и отталкивали его современников, многие рассказывали порой почти апокрифические истории о его суровости и жестокости. Суждения тех, кто непосредственно общался с ним, зачастую были не менее категоричными. «Это был человек, – писал один из его адъютантов, – который, по-моему, настолько запятнал имя гражданина, отца, брата и друга, что стал недостойнее всех тех недостойных людей, о которых мы знали из истории, но он ее никогда не читал». Священник, служивший недолгое время в церкви в имении Аракчеева Грузино, заметил, что «его имя должно быть написано не чернилами, а кровью». В отдельных крестьянских общинах его считали людоедом.

Приговор историков не был более благосклонным. «При одном лишь упоминании его имени тысячи наших предков в ужасе дрожали и крестились», – заметил в конце прошлого века русский историк А.А. Кизеветтер, а профессор А.Г. Мазур в своей книге «Первая русская революция», опубликованной в 1937 г., пишет, что «в истории XIX в. имя Аракчеева является символом самой мрачной реакции и жесточайшего гнета... Бестактный, нетерпимый и неспособный к состраданию, он вызывал у народа больше ненависти, чем любой государственный деятель его времени».

Впрочем, во всем, что имело отношение к его репутации, Аракчеев был своим злейшим врагом. Он никогда не шел на компромиссы, чтобы приобрести друга. За одним-единственным исключением, он никогда не присоединялся к какой-либо группе или клике и не стремился окружить себя сторонниками. Он стоял особняком, вызывая неприязнь и страх у придворных и министров, которых он лишил влияния, высмеиваемый светским обществом, условности которого он откровенно презирал. Он умышленно побуждал людей думать о себе как о человеке некультурном, придиричвом и бессердечном. Он начал свою карьеру как кадет Санкт-Петербургского артиллерийского корпуса, где, как сказал Аракчеев, мальчикам внушали «страх перед Богом и страх перед кнутом». Своих первых успехов он достиг благодаря способности установить железную дисциплину среди офицеров и других подчиненных. Какую бы тактику он ни выбирал впоследствии для достижения своей цели, он всегда полагал, что люди будут ему повиноваться, по крайней мере из страха, и всячески поддерживал это чувство. Он не питал иллюзий относительно своей популярности. «Я был удачлив в жизни, но мои товарищи не жаловали меня своею привязанностью. В годы моей службы меня никогда не любили, потому что я требовал дисциплины», – писал он другу. Но пока Аракчеев пользовался расположением императора, он был готов философски относиться к мнению прочих.

Карьера Аракчеева строилась на его отношениях с императором Александром I. Расположение императора к Аракчееву и вера в него озадачивали современников и ставили в тупик историков. Генерал Михайловский-Данилевский, военный историк, очевидец многих кампаний Александра, выражает мнение многих, когда задается вопросом, как могло случиться, что «без блестящих достижений, не будучи от природы одаренным, не обученный ничему, кроме

русского языка и математики, не обладая даже обаянием, которое иногда невольно привлекает людей, Аракчеев, один из пятидесяти миллионов подданных императора, смог завоевать беспредельное доверие царя, высокообразованного, обладавшего прекрасными манерами, главными качествами которого были скрытность и проницательность».

На вопрос, поставленный таким образом, трудно ответить, ибо подобная постановка вопроса неверна. Александр, несмотря на свою репутацию либерала, когда взошел на трон, доказал, что во многих отношениях он такой же деспот, как и его отец, император Павел, хотя и более привлекателен и удачлив. Александр нуждался в сильном и беззаветно преданном ему человеке, чтобы осуществлять политику, которая, как он знал, была непопулярной в России; самым красноречивым подтверждением тому стало создание военных поселений. Проект размещения русской армии на земле в закрытых общинах, где солдаты должны были научиться искусству земледелия, а крестьяне – превратиться в солдат, был поручен Аракчееву. Император знал, что к его плану во всех слоях российского общества относятся настороженно, а в Генеральном штабе – с явной враждебностью, но он дал карт-бланш Аракчееву, и результаты оказались замечательными. Более того, во время царствования Александра было несколько кризисных моментов, когда он чувствовал себя в безопасности только с человеком, безоговорочно преданным ему. Он был обаятельным и интеллигентным монархом, которого вознесла на трон волна энтузиазма; его уважали и за политическую деятельность, и за личные качества, но несколько раз за время своего правления он вызывал сильную неприязнь в обществе. Так было после Тильзитского соглашения, когда русским показалось, что он продался Наполеону; в самый драматический момент войны 1812 года, когда горела Москва; и, наконец, в самом конце своей жизни, когда некоторые молодые офицеры замыслили его убийство. Кто утверждал, что Александр преднамеренно использовал Аракчеева, чтобы возложить на него ответственность за непопулярные политические действия, хотя это была целиком инициатива императора. Естественно, Александр ценил, что рядом с ним находится человек, который никогда не выступит против него и в исполнении которого можно быть уверенным.

Беззаветная преданность императору была главной чертой характера Аракчеева и его наиболее привлекательным качеством. Когда император Павел в 1796 г. унаследовал трон и привез с собой в Санкт-Петербург молодого и, в сущности, никому не известного артиллерийского офицера, Аракчеев показал, что он небесполезен. Впоследствии он блестяще выполнял любые поручения Александра. Он превратил русскую артиллерию из самого запущенного рода войск в мощную силу, давшую отпор Наполеону. Как военный министр, он руководил по приказу императора кампанией в Финляндии, когда русские генералы посчитали предложенную стратегию несостоятельной и бездействовали. Во время войны с Наполеоном он был рядом с Александром и как его советник, и как друг. Во время второй половины его царствования Аракчеев, преодолевая невероятные препятствия, организовывал военные поселения. Выполняя эти поручения, Аракчеев все более завоевывал доверие императора, в конце концов Александр стал привлекать его к решению всех государственных дел. Все решения Совета министров, перед тем как представить императору, попадали к Аракчееву. Во время многочисленных поездок Александра за границу начиная с 1815 г. и до конца его царствования страной управлял Аракчеев. Человеку в его положении трудно было не стать объектом зависти и подозрений.

Но, получив огромную власть, Аракчеев не спешил ею воспользоваться. Даже перед самым концом царствования Александра он постоянно повторял, что его единственной официальной обязанностью было создание военных поселений. Он не пытался склонить императора на ту или иную сторону, когда речь шла о государственной политике. Это верно, что он ревностно оберегал свое положение и был способен на бесчестные поступки, чтобы удержать на расстоянии или принизить своих потенциальных соперников. Кроме того, он не стремился к власти, чтобы реализовать какие-либо собственные политические или идеологические

замыслы, поскольку не имел их. Он считал правительство исполнительным органом. Его единственной целью было служить императору и другу по мере сил и способностей.

Слово «аракчеевщина» нередко используют как синоним реакции и гнета, которые начались в последний период правления Александра. Хотя это время было для русского общества весьма напряженным, нельзя винить во всем Аракчеева. Так, не он был ответствен за позорную «чистку» университетов; он был слишком недалек, чтобы увидеть ту опасность, которую представляли для существовавшего режима тайные общества, возникшие в Санкт-Петербурге и на юге России в течение последних лет жизни императора. Александр не решился применить репрессивные меры против молодых офицеров, которые к тому времени глубоко в нем разочаровались, и Аракчеев не убедил его сделать это.

Более тщательное изучение деятельности Аракчеева в какой-то мере поможет разрушить образ «главного угнетателя». Правда, его методы руководства действительно были суровыми, зачастую даже жестокими; он без колебаний говорил людям, что «сотрет их в порошок», если они не выполнят его распоряжений, и довольно часто выполнял свои угрозы. Но он не был ни садистом, получавшим удовольствие от жестоких оргий, ни тем идеологическим реакционером, каким обычно представляли его историки. В конце XVIII – начале XIX в. небольшая часть представителей российской правящей верхушки находилась под сильным влиянием прусского образа жизни и мыслей, к которому остальные русские люди зачастую питали глубочайшую антипатию. Эта «прусская» идеология сильно повлияла на взгляды Аракчеева.

Петр Великий первым стал назначать советников-иностранцев, особенно немцев, на важные государственные посты, и его преемники последовали его примеру. На сына Екатерины Павла большое впечатление произвел Фридрих Великий, и, как великий князь, он основал по прусскому образцу собственную маленькую армию в своем имении в Гатчине, под Санкт-Петербургом. Годы, проведенные Аракчеевым в Гатчине, не прошли для него бесследно. Именно там воля и дисциплина стали его главными принципами. Естественно, жесткий авторитаризм не способствовал любви к нему высокомерных русских дворян, ревниво оберегавших могущество и независимость, завоеванные ими в XVIII в., или крестьян, привыкших к бедности и лишениям, но образ жизни которых оставался консервативным, они сопротивлялись по мере сил строгой регламентации, навязываемой Аракчеевым. Но неприязнь вызывали не только грубые манеры Аракчеева, требование выполнять его распоряжения и нежелание обсуждать свои решения. Служивцы и подчиненные считали нерусскими его привычку к скрупулезной работе, методический порядок в его доме и имении, а также спартанский образ жизни. Побывавшие в Грузии говорили, что его дом похож на музей, сад – на кладбище, а мощные дороги и каменные крестьянские дома в деревнях напоминали плац и казармы.

Однако именно эти качества Аракчеева и привлекали Александра. В начале своего царствования Александр демонстрировал, что он не приемлет образ жизни и стиль правления Павла, но, не отдавая себе в этом отчета, унаследовал многие качества своего отца, и со временем это становилось все более очевидным. Александр был так же нетерпим к критике, как и Павел, так же ревниво оберегал свою власть. Он был почти маниакально одержим идеей порядка и аккуратности: ничто не вызывало у него такого энтузиазма, как командование парадом. Когда император впервые посетил Грузию, его восхищению не было границ: наконец-то он встретил человека, который смог уничтожить то болото грязи и облака пыли, в которых в зависимости от времени года утопала вся империя; человека, сумевшего установить дисциплину среди крестьян; человека, который навел бы хоть какой-то порядок в разваливающейся администрации.

Но дисциплина не была ни действенным, ни желанным средством от российских болезней. События, происшедшие во время правления Александра, были так значительны, что Россия, более чем когда-либо, нуждалась в творческом и реформаторском управлении. Это было время, когда русские люди впервые за всю свою историю осознали себя как нацию. Эпопея

наполеоновского вторжения с сопутствующими ей разорением, страданиями и трагедиями пробудила во всех слоях общества чувство к своей стране более сильное, чем ненависть к захватчику.

Ни в одной стране общество не было настолько раздроблено, как в России накануне войны с Наполеоном. Аристократия, помещные дворяне, купцы и крестьяне, которые только и делали, что расширяли свои привилегии или боролись за свои права в ущерб интересам государства. Действительно, придворные и аристократы, которые говорили по-французски лучше, чем по-русски, и в каждой мелочи следовали французским образцам, были похожи на некую касту иностранцев, отделенных от остальных русских людей. Но вторжение Наполеона в самое сердце России, разрушение Москвы и ожесточенные бои на русской территории наконец начали сближать разрозненное общество. Войну 1812 г. недаром называли Отечественной.

Победа русских в этой кампании дала императору уникальную возможность сплотить свой народ и поддержать такое начинание, как отмена крепостного права, которое вывело бы Россию на следующий виток развития и избавило бы от феодального строя, в котором она жила долгое время. Но Александр больше интересовался европейской политикой, чем событиями, происходившими у него дома. На протяжении последнего, переломного, десятилетия своего царствования он большую часть времени проводил в Западной Европе, в то время как центробежные силы российского общества начали заявлять о себе более решительно, чем прежде. Война увеличила недовольство положением дел в России, но в это нелегкое время Александр предпочел устраниваться от решения основных проблем и доверить повседневное управление страной Аракчееву, на которого он всегда мог положиться. Единственный большой проект, за который император и Аракчеев взялись после войны, – создание военных поселений – показал, насколько оба не понимали подлинные нужды России.

Конечно, Аракчеев не мог дать императору совета по поводу взрывоопасной ситуации, сложившейся в России к концу правления Александра. Он не был склонен проводить конституционную реформу и не пытался понять жаркие споры о будущем управлении империей, весьма распространенные во многих слоях общества. Но если бы Аракчеев был более любознательным и независимым по характеру, Александр никогда не дал бы ему ту высокую должность. Иначе говоря, Аракчеев точно выполнял все желания императора, не желая замечать туч, сгущавшихся над головой. И поскольку император не волновался из-за надвигающегося кризиса, спокоен был и Аракчеев.

Тем не менее, особого положения Аракчеева оказалось достаточно, чтобы во всех бедах царствования Александра обвинить его, а не императора, действительно в них повинного. Любого, кто читает современные или вторичные источники о жизни Аракчеева, поражает их необъективность. Почти все написаны в виде памфлетов и изображают его в самых мрачных тонах. «Историк – не судья, тем более не судья, выносящий смертный приговор», – писал Дом Дэвид Нолес; однако историк не вправе обелять или приукрашивать действительность. Поэтому я решил взглянуть на Аракчеева беспристрастно и попытаться дать ему возможность изобразить себя без прикрас – как человека, который прежде всего был преданным слугой своего императора.

Доступный материал об Аракчееве не делает эту задачу легкой. Мемуаров он не писал, и никто даже не пытался написать его биографию, хотя в 1860 г. полковник Ратч собрал много полезной информации о начале его жизни. Однако существует несколько ценных собраний писем Аракчеева, и он добросовестно сохранил для истории свою обширную переписку с Александром. Но основная часть материала состоит из множества коротких воспоминаний и очерков, написанных теми, кто знал его; однако возникает впечатление, что мало кто из тех, кто действительно долго работал с ним, хотел о нем написать. Многие из очерков, благодаря которым Аракчеев имеет свою зловещую репутацию, не заслуживают доверия; они настолько небрежны в обращении с теми фактами, которые можно проверить, что начинаешь относиться

с подозрением и к тем историям, достоверность которых нельзя проверить и которые авторы рассказывают с таким смаком. Тем не менее, материал обширен, основан на личных наблюдениях и во многом выглядит правдоподобно.

Эта книга была написана во время восемнадцатимесячного пребывания в британском посольстве в Москве. Она полностью основана на опубликованных источниках. К сожалению, мне не удалось получить разрешение на пользование бумагами Аракчеева, которые числятся как хранящиеся в советских исторических архивах.

Книга никогда не была бы написана, если бы не помощь многих людей. Прежде всего хочу поблагодарить сотрудников читального зала № 1 Библиотеки им. Ленина, где я занимался своим исследованием. Они были всегда благожелательны и с готовностью отзывались на мои просьбы. Также хочу поблагодарить хранителя печатных книг Британского музея, любезно открывшего мне доступ в книгохранилище.

Я благодарю Тимоти Биньона за весьма ценную консультацию. Я многим обязан Эдварду Томасу и Мэри-Кей Уилмерс за прочтение моей рукописи, конструктивные комментарии и критические замечания.

Также я хочу поблагодарить мисс Энджелу Серджент за ее любезность и терпение, проявленные при печатании моей зачастую неразборчивой рукописи.

Все даты в этом тексте даны по юлианскому календарю, который отставал от принятого в Западной Европе григорианского на одиннадцать дней в XVIII в. и на двенадцать дней – в XIX в. Юлианский календарь использовался в России до 1918 г.

«Советую тому, кому достанется эта книга после меня, помнить, что честному человеку всегда тяжело находиться на ответственных постах в государстве» (надпись, сделанная Аракчеевым на форзаце его Библии).

Глава 1

ГАТЧИНСКИЙ КАПРАЛ

Вы ничего не добьетесь, говоря на изысканном французском.
Аракчеев

Человек, добившийся успеха собственными силами, в наши дни не редкость. Даже в иерархическом обществе России XVIII–XIX вв. было возможно благодаря сочетанию удачи, способностей и амбиций достичь самого высокого положения в государстве без помощи денег или влиятельных лиц, которые были обычно в распоряжении знатных семейств. В начале XIX в. – время, описанное Толстым в «Войне и мире», – когда русская аристократия, казалось, была сильнее и положение ее прочнее, чем когда бы то ни было, во время правления императора Александра I два таких человека проложили себе путь к вершинам власти. Один – это Михаил Сперанский, прославленный сын сельского священника, который познал краткий миг славы, пока Александр играл в конституцию, составленную для него Сперанским. Вторым – Алексей Андреевич Аракчеев, которого часто противопоставляют Сперанскому, хотя на самом деле они никогда не были соперниками. Пушкин однажды сказал Сперанскому: «Вы и Аракчеев стоите в противоположных дверях этого царствования, как добрый гений и злой гений».

Аракчеев всегда говорил о своем простом происхождении и гордился своей необразованностью. Тем не менее, он родился в семье поместных дворян и получил такое же образование, как и большинство русских в XVIII в., имевших аналогичное социальное положение. При повсеместном отсутствии школ и учебников мелкопоместные дворяне довольствовались деревенским священником; более привилегированные семьи обычно нанимали для своих сыновей учителей-иностранцев. Начальное образование Алексея было явно недостаточным, и связанный с этим комплекс остался у него на всю жизнь. Он часто с сарказмом заявлял, что от «необразованного бедного дворянина» не стоит ждать, что он будет вести беседы с умнейшими людьми в обществе и при дворе. Но на протяжении всей карьеры образование стало едва ли не основной его страстью. Так, часто заявляя, что чтением не интересуется, Аракчеев собрал библиотеку, в которой было более одиннадцати тысяч томов. «Я не слишком грамотен. Отец учил меня на медные деньги», – заявил он, по своему обыкновению, представляясь членом Военного министерства, когда был назначен на должность министра¹. Он писал одному из друзей: «Бедный дворянин, я получил образование в старом русском стиле. Читать учился по молитвослову, а не новомодными способами. Потом, когда научился читать Псалтырь, чтобы молиться за упокой душ моих родителей, меня отправили служить царю, и я был вверен чудотворной иконе Казанской, и родители наказали мне начинать все, что я буду предпринимать, с ее благословения, как я и поступаю по сей день»².

Семья Аракчеевых не была влиятельной; ее члены не занимали высокого положения в обществе и тихо жили в Тверской губернии. Однако Аракчевы все же были дворянами и, таким образом, принадлежали к привилегированному слою помещиков, владевших крепостными, а таковыми были как богатейшие князья Российской империи, так и безвестные помещики, порой владевшие лишь несколькими акрами земли и горсткой крепостных. Род Аракчеевых был причислен к дворянскому сословию в марте 1695 г., когда Ивану Степановичу Аракчеву «за службу предков, и своего отца, и собственную в войну с Польшей» было высочайше пожаловано имение неподалеку от города Бежецка, который находился примерно между Москвой и Санкт-Петербургом. Впоследствии предки Аракчеева по мужской линии служили офицерами в армии. Один из потомков Ивана Степановича – Василий Аракчеев – дослужился до чина генерал-майора и отличился в знаменитой кампании фельдмаршала Миниха 1730 г.

против турок и крымских татар; брат Василия, который был дедом Алексея, погиб во время той же кампании.

Отец Алексея, Андрей, ушел в отставку в 1762 г. в чине лейтенанта согласно указу Петра III, освобождавшему дворян от принудительной государственной службы, и поселился в своем имении Гарусово, примерно в ста километрах от Бежецка. Андрей никогда не был богат. За душой у него только и было что двенадцать крепостных, но он имел городской дом в Бежецке, куда переезжал каждый год вместе с семьей, чтобы спастись от суровой зимы. Его родственники, которые тоже жили в Тверской губернии, были более состоятельными. Их семья в целом владела более чем пятью сотнями крепостных в Бежецком уезде, и у жены Андрея было собственное имение³.

Алексей родился 23 сентября 1769 г. в Гарусове. У Аракчеевых родилось еще два сына – Петр (1776 г.) и Андрей (1778 г.). Их отца, не имевшего ни энергии, ни особых амбиций, вполне удовлетворял образ жизни мелкого провинциального помещика. Он дал детям образование и отказался даже от управления имением в пользу своей более деятельной супруги Елизаветы Андреевны.

Влияние Елизаветы Андреевны на Алексея в детстве было очень велико, и впоследствии он всегда нежно относился к матери. Прозванная соседями немкой за страсть к чистоте, она передала сыну, по крайней мере, одно качество, благодаря которому он потом стал известен всей России, – педантичную любовь к дисциплине и порядку, рьяно насаждавшимся им как в своей общественной, так и в личной жизни. Не умея ни читать, ни писать, Елизавета Андреевна наняла гарусовского священника, чтобы тот дал ее сыну начальное образование в обмен на «четверть ржи и две четверти овса». Однако священник был не слишком способным учителем, ибо Аракчеев так и не выучился складно и грамотно писать. Его отец, который не хотел, чтобы сын поступил на службу в армию, и надеялся, что тот станет чиновником в одной из государственных канцелярий, был огорчен столь малыми успехами Алексея и давал ему переписывать длинные служебные документы, чтобы улучшить его почерк и грамотность. Но мальчик, не лишенный прилежания, предпочитал арифметику, и одним из его любимых занятий в детстве было умножение больших чисел⁴.

Был и еще один человек, вызывавший восхищение Аракчеева в детские годы, – его тетя Настасья Жеребцова. Она имела дом неподалеку от Бежецка, была, по общему мнению, женщиной с характером и играла видную роль в жизни города. Детская привязанность Аракчеева к Настасье оказалась такой же нежной и прочной, как любовь к родителям. Когда они умерли, он продолжал навещать ее в Бежецке и проявлял интерес к местным событиям, принимая просителей и чиновников и по возможности помогая им решить их проблемы и восстановить справедливость. В гостях у тетушки он старался не проявлять те не самые лучшие качества своего характера, из-за которых к тому времени он приобрел ужасную репутацию в Санкт-Петербурге. Настасья даже иногда отправляла некоторых просителей к Аракчееву в столицу, и он всегда принимал их с вниманием и любезностью.

В конце концов, они были приятным напоминанием о пройденном им пути⁵.

Когда Алексею исполнилось тринадцать лет, нужно было подумать о его карьере. Он еще не знал, по какому пути намерен идти, и без воодушевления относился к намерению отца отправить его в Москву к родственнику, который помог бы ему получить место чиновника в одной из канцелярий. Однажды он с отцом пришел в гости к соседу, два сына которого только что приехали в отпуск, успешно пройдя курс обучения в Шляхетской артиллерийской школе. Они сразу произвели впечатление на Алексея. Он с завистью смотрел на их нарядные красные мундиры и ловил каждое слово из их рассказов о лагере, учениях и стреляющих орудиях. «Они казались мне высшими существами. Я не отходил от них ни на минуту». Он умолял родителей

отправить его в эту школу, но они полагали, что неразумно посылать сына в Санкт-Петербург без денег и протекций. Наконец, видя настойчивость Алексея, они смягчились.

У Андрея Аракчеева никогда не было лишних денег, но он каким-то образом сумел раздобыть сто рублей и с этой суммой вместе с сыном весной 1783 г. отправился в Санкт-Петербург. Алексей «не помнил себя от счастья». Они нашли дешевую гостиницу на Ямской, где сняли часть комнаты, отделенную перегородкой. Алексей подал прошение о зачислении в корпус, но после этого, так как у них не было ни друзей, ни влиятельных знакомых, начались трудности.

Позднее Аракчеев рассказывал Сперанскому об этом первом в своей жизни кризисе. «Это были напрасные хождения, – говорил он, – и нам пришлось запастись терпением, пока наше прошение рассмотрели. В ответ не было ни слова, и каждый день мы ходили с Ямской на Петербургскую сторону и дожидались у лестницы директора корпуса Петра Ивановича Мелиссино, чтобы поздороваться с ним и напомнить о своем прошении. Пока мы ждали, небольшой запас денег у моего отца таял и, наконец, иссяк: у нас не осталось ни копейки. Положение было безнадежным. Мой отец слышал, что митрополит Гавриил оказывает помощь бедным, и наша нужда побудила его обратиться за помощью. Мы отправились в монастырь. У входа толпились нищие. Мой отец попросил, чтобы его святейшеству доложили, что его хочет видеть дворянин. Нас ввели внутрь. Отец описал свое бедственное положение и попросил о помощи. Его святейшество послал нас к казначею, и нам дали рубль серебром. Выйдя на улицу, отец показал мне рубль и разразился слезами. Глядя на него, я тоже зарыдал. Мы втроем (включая нашего слугу) жили девять дней на один рубль. Потом рубль кончился! Мы снова пошли на Петербургскую сторону и снова заняли наше место у лестницы. Появился Мелиссино, и, прежде чем отец заговорил, я выступил вперед и сказал в отчаянии: «Ваша светлость, примите меня в кадеты. Если мы будем ждать дальше, то умрем от голода. Я буду благодарен вашей светлости всю жизнь и буду молиться за вас. Мой отец больше не выдержит и умрет от голода, и я вместе с ним!» Слезы текли по моему лицу. Мелиссино испытующе посмотрел на меня. Я всхлипывал, а отец беспомощно рыдал. Мелиссино спросил, как меня зовут и когда подали прошение. Потом он пошел в свой кабинет, попросив нас подождать. Через несколько минут он вышел и, протягивая мне записку, сказал: «Отнеси это в канцелярию. Ты принят в корпус». Я попытался поцеловать ему руку, но он уклонился, сел в экипаж и уехал. Перед тем как пойти в канцелярию, мы с отцом зашли в храм и, не имея денег на свечи, помолились, кладя земные поклоны; мы вышли из храма с радостью на сердце.

На следующий день я поступил в корпус. Есть поверье, что ни удача, ни несчастье никогда не приходят одни.

В тот же день отец встретил родственника, приехавшего из Москвы, кошелек которого был полон. Он дал отцу денег, чтобы тот мог вернуться домой. Бог смиростивился над нами! Этот первый урок бедности и беспомощности произвел на меня сильное впечатление»⁶.

Таким образом, 19 июля 1783 г. Аракчеева зачислили в кадеты артиллерийского корпуса. В какой-то мере ему повезло, что он выбрал этот род войск, который в русской армии был на положении замарашки. В результате многолетнего пренебрежения артиллерия оказалась в запущенном состоянии, но вскоре, оказавшись перед французскими пушками, ей предстояло стать жизненно важной частью армии. Между тем кадет, не имевший денег и связей, мог сделать успешную карьеру в артиллерии лишь благодаря упорной работе и знаниям. Более влиятельные семьи предпочитали, как в других европейских странах, пристраивать своих сыновей в гвардейские или кавалерийские полки. Артиллеристы считались просто довеском к пехоте, и попадание пушек в цель, как заметил князь Орлов, всецело зависело от случая. Учения проводились плохо, переносить орудия было очень тяжело, а порох часто оказывался с посторонними примесями. Наиболее интересным делом для артиллерии было устройство фейерверков, благодаря которым на генерала Мелиссино в Санкт-Петербурге был большой спрос.

Однако во время царствования Екатерины Великой были отдельные люди, включая саму императрицу, которые осознавали растущее значение артиллерии. Один из них – граф Петр Шувалов, генерал-адъютант армии и в 1750-х годах влиятельная фигура. Не будучи специалистом в этой области, Шувалов, однако, был весьма обеспокоен тем, что артиллерия станет почти исключительной сферой деятельности военных консультантов-немцев; и с этой целью он объединил все игнорируемые артиллерийские и инженерные школы в Санкт-Петербурге, основав Шляхетский корпус для обучения дворянских детей технической стороне военного дела. Как раз перед приездом Аракчеевых в Санкт-Петербург Екатерина назначила директором корпуса генерала Мелиссино и в порыве энтузиазма приказала ему увеличить число учащихся с полутора сот до тысячи. Кроме того, Екатерина предложила, чтобы в корпусе учились лишь те, кто уже знал язык и естественные науки. Мелиссино, понимавший, как будет трудно набрать в корпус детей знати, не соглашался и утверждал, что целью школы должно стать широкое образование детей из более бедных слоев дворянства. Ему удалось отстоять свою точку зрения, но тот факт, что этот спор происходил в первые шесть месяцев его пребывания в должности, стал причиной задержки решения по заявлению Алексея.

Успехи Аракчеева в школе были поразительны. Всего через семь месяцев он достиг высших отличий, заслужил все существующие медали и получил звание сержанта артиллерии. Работа всецело захватила его. У него не было ни друзей, ни денег, и он не пытался приобрести друзей ни в школе, ни за ее стенами.

Отличавшийся от сверстников высоким ростом, в первые месяцы пребывания в корпусе он не мог даже купить себе форму и вынужден был носить поношенную, выданную в корпусе; его длинные руки неуклюже торчали из рукавов. Но хотя он выглядел неловким и даже смешным, это не вызывало веселья у его соучеников. Уже тогда одноклассники начали его побаиваться.

Мелиссино не понадобилось много времени, чтобы заметить способности новенького и решить, что им можно найти удачное применение в корпусе. Мелиссино – умный и честолюбивый человек – много сделал, чтобы привить интерес к занятиям артиллерией. Он, вероятно, сделал бы более удачную карьеру, если бы не некоторые недостатки его характера. У него была репутация человека тщеславного, слабого и расточительного. В петербургском обществе Мелиссино был заметной фигурой: он говорил на нескольких языках, хорошо фехтовал и танцевал и был известен как заядлый театрал. Но его трудно было принимать всерьез, и в свете его называли *le grand seigneur manque* (большое недоразумение). Однако возглавляемая им школа приобрела известность, и очень скоро число кадет увеличилось вдвое.

Заметные изменения, которые он внес в учебный процесс в помощь самых способных своих учеников, принесли свои плоды; и большая реформа артиллерии, которая произошла позднее, была в основном делом рук его выпускников.

С того дня, когда Мелиссино открыл перед ним двери училища, Аракчеев относился к генералу как к своему благодетелю и зачислил его в ту немногочисленную категорию людей, к которым на протяжении всей своей жизни относился с неизменным дружелюбием. Сначала директор не проявлял к нему особой благосклонности, но однажды, когда Алексей гулял в директорском саду (что было привилегией, полагавшейся кадетам в звании унтер-офицеров), Мелиссино подошел к нему и с улыбкой воскликнул: «Как скоро!» Менее чем через год Алексей уже помогал отстающим ученикам, по поручению учителей, и результаты были блестящими. Мелиссино так высоко его оценивал, что прислал ему записку, в которой писал: «С этого дня вы можете посещать классы или заниматься у себя в комнате. Вы составите собственный план работы и будете отчитываться за его выполнение лишь перед своей совестью». Но успех, возможно связанный с его одиночеством, породил в Алексее весьма непривлекательные качества. Грубость, присущая ему, теперь вышла наружу, и один из его соучеников писал о его «нестерпимом зверстве... которое он уже выказывал над кадетами».

Через четыре года после поступления в школу Аракчеев дослужился до чина подпоручика. Следуя совету Мелиссино, он решил остаться преподавателем в школе, и теперь Мелиссино считал его хорошим специалистом по артиллерийской подготовке. Аракчеев составил «Краткие артиллерийские записки в вопросах и ответах» на тему учений и маневров, и они были опубликованы под именем директора.

В июле 1788 года, когда почти вся русская армия была занята в войне с турками на юге, шведский король Густав III внезапно объявил России войну. Санкт-Петербург, оставшийся временно без обороны, казалось, был отдан на милость шведского флота и армии. Мелиссино поручили в течение шести недель подготовить три артиллерийских батальона, состоявшие из рекрутов, и он обратился за помощью к своим инструкторам и ученикам. Граф де Сегюр, французский посланник при дворе, вспоминал «огромных и нелепых рекрутов, которых наставляли на маршировке и учениях дети, вызванные из военной школы, которые влезали на стулья и скамьи, чтобы выпрямлять головы, шеи и груди этих гигантских животных».

Война тянулась два года; в итоге русские проявили себя лучше, чем ожидали и шведы, и они сами. Они не дали Швеции одержать быструю победу, на которую она надеялась, и в конце концов был подписан мирный договор, согласно которому Швеция оставалась в том же положении, в котором была до начала войны. Между тем военные успехи трех артиллерийских батальонов способствовали повышению престижа школы, и, возможно, это побудило графа Николая Салтыкова, который был известной фигурой в Санкт-Петербурге и занимался образованием двух внуков Екатерины, Александра и Константина, обратиться к Мелиссино в поисках наставника, который обеспечил бы военную подготовку его сына. Конечно же выбор пал на первого ученика – Аракчеева.

Когда это произошло, Салтыков стал оказывать Аракчееву еще большее покровительство, чем Мелиссино. Директор корпуса хотел использовать молодого подпоручика в качестве своего помощника, но Салтыков заинтересовался Алексеем и проявил к нему сочувствие. Он добился для него увольнительной, и после почти семилетнего отсутствия двадцатилетний Аракчеев вернулся в Бежецк в том самом красном мундире, о котором он мечтал с детства, и с золотыми часами, подаренными ему графиней Салтыковой перед отъездом. Семья встречала его как героя. Впоследствии Аракчеев любил рассказывать, как отец сразу же отобрал у него часы и повесил их над своей кроватью. Он вернул их только тогда, когда для Алексея пришло время возвращаться в Санкт-Петербург, со словами: «Возьми часы. Я дарю их тебе. Знай и помни, что ты мне ими обязан. Не помести я тебя в корпус, ты не учил бы у Салтыковых и часов бы не имел». «Потому, – говорил Аракчеев, – я и сохраняю их как отцовский подарок». Вскоре Аракчевы тоже навестили сына. Когда мать увидела комнаты Алексея, то с удовольствием отметила чистоту и порядок. Отец же, осмотрев письменный стол, кожаную софу, кресло с подлокотниками и шкаф красного дерева, сказал, нахмурясь: «Послушай, Алексей, скажи честно, как сын отцу: ты не ворует и не берешь взятки?» Уже будучи в зените своей славы, Аракчеев однажды сказал сослуживцу: «Мой отец часто говорил мне: «Алеша, ты дослужишься до майора, уйдешь в отставку и получишь пенсию; тогда мы все будем счастливы». Что бы он сказал, если бы увидел меня сейчас?»⁷

Следующий шаг в своей карьере с далеко идущими последствиями Аракчеев сделал сам. Ободренный дружелюбием Салтыкова, он попросил помочь ему в получении вакансии адъютанта и помощника директора школы. Мелиссино был неприятно удивлен этой попыткой.

Он предпочитал иметь среди своих сотрудников богатых и уважаемых в свете людей и относился к Аракчееву как к заслуживающему доверие подчиненному, но слишком зависящему от воли вышестоящего офицера, чтобы продвигаться по службе. Но он не осмелился отказать в просьбе такому влиятельному человеку, как Салтыков, и в июле 1791 г. Аракчеев получил должность. Мелиссино, сохраняя внешнее дружелюбие, начал искать возможность убрать Аракчеева из школы. Такой случай представился лишь год спустя.

В 1790 г. Мелиссино был назначен командующим русской артиллерией с сохранением за ним должности директора корпуса. Несмотря на свое высокое положение и общественное признание, он никогда не пользовался успехом при дворе Екатерины. Фавориты императрицы относились к нему как к шуту, и он платил им той же монетой. Однажды кто-то услышал, как Мелиссино довольно нелестно отозвался об одном или двух придворных, и донес князю Потемкину. Тот потребовал, чтобы Мелиссино явился к нему, и принял его, лежа в постели, и грубо посоветовал ему попридержать язык⁸. В результате отношение Мелиссино ко двору стало еще более враждебным, и с этого времени он начал сближаться с окружением сына Екатерины – великого князя Павла Петровича, который жил в своем имении в Гатчине в шестидесяти километрах от Санкт-Петербурга.

В 1792 г., когда Павлу понадобился квалифицированный артиллерийский офицер для службы в Гатчине, он обратился к Мелиссино, и судьба Аракчеева была решена. Мелиссино был уверен, что Аракчеев достаточно квалифицирован, чтобы удовлетворить строгие требования великого князя, но он не мог даже представить, на какой славный путь он направил своего работающего, но несимпатичного лейтенанта.

Когда Аракчеев прибыл в Гатчину 4 сентября, уже одетый в темно-зеленую форму войска Павла, он оказался в прусском военном лагере. В поместье были плацы, казармы и часовые на каждом шагу, которые, по прусскому обычаю, окликали проезжавших. Крестьяне, жившие в деревне, подчинялись лагерной дисциплине. Жизнь была подчинена распорядку дня великого князя, который вставал в 4 часа утра к первому параду и проводил день, устраивая учения и маневры своей маленькой армии. «К десяти часам вечера все в имении уже спали, и единственными звуками, которые раздавались, были шаги патруля и крики часовых», – писал один из скучавших гостей. «Все было устроено на прусский манер, причем на старый прусский манер, – заметила княгиня Кобирская. – Хуже всего были русские солдаты, изображавшие пруссаков и одетые в старинную форму Фридриха-Вильгельма Первого»⁹.

В свои 38 лет Павел был человеком разочарованным и ожесточенным. Когда-то он был умным, очаровательным и многообещающим ребенком, но с самого рождения его бабушка, императрица Елизавета Петровна, разлучила его с матерью, и впоследствии у него никогда не было хороших отношений с Екатериной. Унаследовав трон, Екатерина продолжала держать сына на расстоянии, не позволяя ему участвовать в управлении империей и даже в многочисленных проводимых во время ее царствования военных кампаниях. Сомнительные притязания Екатерины на трон и страх, что сын может приобрести популярность и посягнуть на ее абсолютную власть, были, несомненно, причиной этого остракизма. Кроме того, почтительное отношение Павла к памяти отца, которого он не знал, вряд ли способствовало приязни к женщине, руководившей его предательским убийством. Возможно, это было вызвано неосознанным преклонением перед отцом, который тоже обожал все прусское и даже начал обучать во время своего недолгого царствования Санкт-Петербургский гарнизон на прусский манер. Вероятно, визит, который великий князь в двадцатидвухлетнем возрасте нанес прусскому двору, находившемуся в Берлине, стал поворотным моментом его жизни. Фридрих II постарался сделать все, чтобы угодить русской делегации, и пристрастие Павла ко всему прусскому с тех пор превратилось почти в манию. «Вижу, в какие руки попадет империя после моей смерти, – с сожалением заметила Екатерина после одного из разговоров с Павлом. – По воле Пруссии мы превратимся в провинциального вассала».

В течение последующих лет разочарованность Павла росла и в значительной мере сказывалась на его характере. Он впал в уныние и стал подвержен приступам неукротимого буйства, которые начинались из-за пустяков. Его жена Мария Федоровна, урожденная герцогиня Вюртембергская, с которой Павел познакомился во время поездки в Берлин, старалась успокоить его, но ей редко удавалось на него повлиять. Княгиня Кобирская выразила общее мнение, когда сказала, что «великий князь умен и может, если захочет, быть очень милым, но в

нем много странного и непостижимого». Граф де Сегюр писал, что ему потребовалось немного времени, чтобы понять его беспокойную, непостоянную, подозрительную и очень чувствительную натуру, которая впоследствии стала причиной его ошибок, несправедливости и несчастий; в другой раз он заметил: «На свете не было человека более неуверенного, робкого, непостоянного и менее способного принести счастье себе и другим»¹⁰. Павел был несчастен в Санкт-Петербурге. Фавориты Екатерины обращались с ним с неприкрытым презрением. Он не пытался скрыть неприязнь к правительству своей матери и открыто говорил, что, как только получит власть, выгонит ее советников плеткой. Когда Екатерина в 1784 г. купила ему Гатчину, он с облегчением уехал туда и старался приезжать в столицу как можно реже.

Гатчина – болотистая местность, где находились несколько маленьких деревень, два озера и большая усадьба, построенная в классическом стиле итальянским архитектором Ринальди для фаворита Екатерины Григория Орлова, которому она принадлежала до самой его смерти в 1783 г. Павел, который с горечью писал другу в 1784 г.: «Мне уже тридцать, а я все еще не у дел», теперь утешился, превратив свое поместье в модель государства. Его главной заботой была благотворительность в отношении крестьян, для которых он построил школу, больницу и четыре церкви. Он организовал систему займов для нуждающихся, построил стекольный и фарфоровый заводы, чтобы крестьяне меньше зависели от сельского хозяйства как источника средств существования. Однако его любимым детищем стала созданная им маленькая армия. Он проводил пробные учения и осуществлял в малом масштабе преобразования в строевой подготовке, оснащении и управлении, готовясь к тому дню, когда сможет осуществить эти реформы применительно ко всей русской армии.

У истоков пресловутого гатчинского войска, в котором к моменту вступления Павла на престол было двадцать четыре сотни солдат и офицеров, стояла его личная гвардия из шестидесяти морских пехотинцев, прикомандированных к великому князю как к адмиралу флота. Екатерину устраивало, что ее сын забавлялся столь уже почти традиционным для наследников престола со времен «потешной армии» Петра Великого образом, и она позволила Павлу постепенно увеличивать число людей в войске. Павел начал с того, что ввел в свое маленькое военное подразделение все роды вооруженных сил, и даже разместил на одном из своих озер военную флотилию.

Однако отправка в Гатчину была не слишком популярна среди русских офицеров. Они должны были обучаться и проходить строевую подготовку по прусскому образцу, отказаться от своей любимой светло-зеленой пехотной или красной артиллерийской формы, надеть отвратительную темно-зеленую форму армии Фридриха и подчиняться приказам советников-немцев, которые помогали великому князю. Никто не шел по своей воле служить в Гатчину, и в результате в войске Павла оказывались не пригодные к службе солдаты и офицеры, многие из них не могли найти себе другого места в армии. Одни были иностранцами, раньше служившими в Пруссии или в иных странах, а другие происходили из семей мелкопоместных провинциальных дворян и хотели использовать службу великому князю как наиболее краткий путь к карьере. Офицеры Екатерины, особенно гвардейские, относились к чуждым им по духу и дисциплине гатчинским войскам с презрением и в то же время подозрительно. Это общее мнение выразил один из современников, писавший, что гатчинские войска «состояли из людей грубых и необразованных, отбросов нашей армии. Выгнанные из своих войск за скверное поведение, пьянство или трусость, эти люди нашли приют в гатчинских батальонах... Среди этих злодеев были настоящие исчадия ада. Они с завистью смотрели из гатчинских болот на тех, кто гордо и смело шествовал по дороге чести»¹¹.

Когда Павел заинтересовался артиллерией, его помощником сначала был молодой лейтенант Апрелев, но Апрелев изобрел способ устранения трещин, которые часто появлялись в оружейных стволах, и был в большом спросе во всей России. Таким образом, Аракчеев прибыл на его место и должен был организовать артиллерийское подразделение, и ему повезло

лось произвести хорошее впечатление на своего капризного хозяина. На своем первом параде он вел себя так, будто провел в Гатчине много лет. Не прошло и месяца после его прибытия, а он уже руководил маневрами, проводившимися в присутствии Павла, и был пожалован за это званием капитана и почетным правом обедать за одним столом с великим князем. Вскоре он стал главным советником Павла по военным делам. Он проявил рвение и изобретательность, осуществляя многочисленные идеи Павла насчет создания новой артиллерии, базирующейся в основном на автономных объединениях орудий и механизмов для большей мобильности. Во дворце была специальная комната, где он два часа в день обучал молодых офицеров математике и артиллерийскому делу. К концу 1795 г. он составил подробные инструкции по проведению занятий, которые впоследствии были опубликованы и долгие годы использовались в русской артиллерии¹²

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.